

ЧП на пике Энгельса

Жанр произведения: Публицистика

Произведение написал автор BookBox Александр Кобизский

Ссылка на публикацию

Пик Энгельса. История об одном восхождении Преодолевая дикую головную боль, я лез на пик Энгельса наравне со всеми, пять шагов вверх — минута отдыха, еще пять шагов, и снова отдых... Шесть тысяч без соответствующей акклиматизации — высота коварная. На предвершинный гребень вышли, когда уже окончательно стемнело Эта история произошла в августе 1983 года, но мне, как непосредственному ее участнику, врезалась в память навсегда. Восхождение на пик Энгельса и чуть не разыгравшуюся на его склонах трагедию описал документально и реплики героев, как и выдержку и решения Федерации альпинизма СССР, привел слово в слово. Одним из участников этой истории (руководил пришедшим нам на помощь спасотрядом) был ЗМС СССР по альпинизму Алексей Москальцов, входивший в состав знаменитой советской экспедиции Эверест-82 (погиб в 1987-ом на пике Клары Цеткин). ...Альпинизм всегда считался спортом элиты общества. Это был образ жизни целого поколения советской интеллигенции, и спортом альпинизм назывался лишь условно. Просто за лучшие восхождения стали награждать чемпионскими медалями, а победа одной команды над другой была весьма относительной. Никакая судейская комиссия не могла абсолютно справедливо дать оценку команде, поскольку в основном все в конечном итоге решал отчет о восхождении. Да и не в наградах суть — люди ведь ходят в горы не для того, чтобы получить грамоту или медаль. Пик Энгельса был моим первым шеститысячником. Всего полторы недели назад закончились сборы в Дагестане, где сделал две скальные 5-А, на три дня вернулись домой, и сразу вылет на Памир, в район пика Энгельса, высота которого была 6500 метров. После последнего восхождения на Кавказе (Ярыдаг Гл. по левому контрфорсу С-З. стена — 5А) я вдруг свалился с высокой температурой, но ни один доктор не смог тогда поставить мне правильный диагноз. Ну, печень чуть увеличена, а так вроде все в норме... Я рвался в памирские горы и отнесся к невесть откуда навалившейся неизвестной болезни как к временному недомоганию. Экспедиционный врач подозревал у меня воспаление легких, но в Харькове я заручился справкой из физдиспанера, что никакого воспаления легких у меня нет, и поехал со всеми на Памир, не подозревая, что у меня началась первая стадия «желтухи» — вирусного гепатита. Перелет в Душанбе перенес плохо, опять поднялась температура, но старался держаться бодро и рвался носить грузы в базовый лагерь, разбитый на высоте 4200 метров, наравне со всеми. Восхождение на пик Энгельса не заладилось с самого начала — ни у кого из участников не было опыта высотных восхождений, а руководитель нашей

экспедиции МС СССР по альпинизму Григорий Артеменко включил еще в группу скалолазку из сборной города Катерину Кузнецову. Катерина была, как и я, КМС по спортивному скалолазанию, но альпинисткой была слабенькой, к тому же у нее не было схоженности ни с кем из участников предстоящего восхождения на пик Энгельса. И тут на глаза Артеменко попался я. Он вспомнил, что в прошлом году Кузнецова совершила одно восхождение со мной в Фанах (п.Мария 4-Б) и в приказном порядке включил меня в группу Юры Борисенко, Севы Грищенко и Юры Конкина, с которыми я раньше не ходил. Катерина выдохлась еще на подходе и наша группа с первых же часов стала выбиваться из графика, пройдя ледник не за один световой день, как планировалось, а за два. В группе я был самыми молодыми участником восхождения на пик Энгельса (мне было тогда 22 года), руководил которым тридцатишестилетний кандидат в мастера спорта по альпинизму Юрий Борисенко. На второй ночевке я поставил перед капитаном команды вопрос ребром: группа к восхождению не готова, нужно поворачивать назад. Борисенко, чувствуя себя далеко не лучшим образом (высота авантюризма не терпит), готов был со мной согласиться, но тут подала свой заморенный голос Катерина: — Че вы, мужики, сачкуете, над вами же весь лагерь смеяться будет! Вы идите, а я вернусь в лагерь сама… — Юра, Как Катю можно одну отпустить на ледник? — настаивал я на своем. Борисенко очень хотелось заполучить в книжку альпиниста запись о руководстве восхождением категории сложности 5А (выше шести тысяч метров меньше категории не бывает, высота сама по себе уже сложность, и группа вскоре в этом жестоко убедится). Он понимал, что Катерине нужно кого-то выделить в сопровождение, но тогда группа разваливается, ведь меньше четырех человек на высотное восхождение по правилам советского альпинизма идти нельзя. Борисенко уже было согласился со мной, что надо всем возвращаться в базовый лагерь, но тут к ним подошел проверяющий из Москвы от федерации альпинизма СССР. Фамилия Волченков врежется мне в память на всю жизнь, но в тот момент никто не мог знать, чем для нас обернется помощь представителя федерации. Волченков сам вызвался отвести Катерину вниз, и все мои аргументы, что надо отказаться от восхождения, рассыпались. Но у природы свои законы, и они явно были не на стороне команды. Мало того, что Артеменко отправил на высотное восхождение нашу группу без каких-либо средств связи (все радиостанции ответственный за техническое снаряжение экспедиции забыл в Харькове), так еще не было четко оговорено контрольное время возвращения нашей группы в базовый лагерь. Артеменко дал нам восхождение времени с запасом — неделю, и случись что, спасотряд выйдет на поиски только по истечении этой недели. Преодолевая дикую головную боль, я лез на пик Энгельса наравне со всеми, пять шагов вверх — минута отдыха, еще пять шагов, и снова отдых… Шесть тысяч без соответствующей акклиматизации — высота коварная. На предвершинный гребень вышли, когда уже окончательно стемнело. На пронизывающем ветру

кое-как поставили палатку. Беспокойная ночь прошла почти без сна. Практически ничего не ели. Организм не принимал даже такой проверенный на высоте продукт, как сало. Открытая банка сгущенки вызывала лишь приступ тошноты, и весь их ужин в ночь перед выходом на вершину — разделенная на четверых таранка да по глотку бледно заваренного чая из талой воды. В продуваемой всеми ветрами палатке было очень холодно, и рассвет мы встретили с облегчением. Солнце — это жизнь… Но… Почему так странно ведет себя капитан? Забыв о собственных недомоганиях, я не на шутку встревожился. — Юра, что с тобой? — Все нормально… — с трудом разлепив губы, прошептал Борисенко. — Какой на фиг нормально, если ты самостоятельно повернуться не можешь! — Ничего… Наверное, с желудком что-то… Грищенко с Конкиным, натягивая на ноги промерзшие за ночь вибрамы, озадаченно посмотрели на капитана. — Юр, ну это… ты потерпи маленько, вершина же вот, триста метров отсюда — рукой подать! Мы только быстренько сбегаем, поменяем записку и обратно, когда еще сюда попадем? — начал уговаривать Борисенко Сева Грищенко. Ему очень нужно было это восхождение, чтобы закрыть первый разряд по альпинизму, а тут из-за слабости капитана команды зачетная 5-А уплывала на глазах. — Вы что, совсем охренели, вдвоем идти! — возмутился я. — Почему вдвоем, а ты? — недоуменно спросил Конкин. — Я останусь с ним! — кивнул я в сторону провалившегося в небытие Борисенко. — Э, Юр, ты это чего! — затормошил его Сева. Борисенко очнулся и затуманенным взором посмотрел на Севу. — Мы же не на Эвересте! — принялся убеждать ничего не соображающего капитана Сева. — Вон, Бершов с Туркевичем оставили на восьми тысячах обморозившегося Мысловского с Балыбердиным и ночью на Эверест шустро сбегали, теперь герои на весь мир, а у нас только утро и вершина всего-то шесть пятьсот! — Хорошо, идите… — натужно прохрипел Борисенко и закрыл глаза. — Саня, в общем, мы туда и обратно, — Сева решительно взял руководство на себя. — А ты присмотри за Юрой, — наставительно произнес он. — Ладно, мужики, только не рассиживайтесь там, мне очень не нравится его состояние… — проворчал я, кивнув в сторону поникшего капитана. — Да мы мигом! — бодро заверил Сева, забирая остатки продуктов и аптечку. Я с тревогой смотрел вслед медленно удаляющейся двойке. Самочувствие же Борисенко не улучшалось. Вроде (с его слов) у него ничего не болит, но почему тогда полностью утрачена координация движений? Юра не смог без моей даже застегнуть спальник, не говоря уже о том, чтобы вылезти из палатки. Бесконечно стали тянуться часы, но передовая связка и не думала возвращаться. Борисенко тем временем уже не ориентировался в пространстве и временами нес какой-то бред. Аптечки не было (ее забрал на восхождение Конкин), зато у нас с Борисенко осталась фляжка спирта. Единственной спичкой мне удалось развести примус (Грищенко, как человек курящий, спички прихватил с собой) и приготовил подобие чая. Затем в тепловатую жидкость

добавил спирт и стал с ложки поить этой смесью Борисенко, надеясь, что хоть какая-то энергия попадет в его застывающие сосуды. Высота тем временем прожорливо отбирала силы. Борисенко угасал на глазах, но к вечеру немного пришел в себя. Замерзнуть спирт не дал, во всяком случае, нитевидный до этого пульс чуть улучшился. — Где ребята? — была первая фраза очнувшегося капитана. — Придут, Юра, обязательно придут! — заверял я, недоумевая, как можно двенадцать часов идти триста метров. (Потом Грищенко признается мне, что он с Конкиным отлеживался на солнышке в скальной нише). Я напряженно всматривался в черноту азиатской ночи и уже совсем было отчаялся, когда наконец послышались голоса. — Вашу мать, где вы бродили?! — возмущенно спросил я, когда Сева ввалился в палатку. — Да оказалось, далековато что-то… — вяло стал оправдываться тот. Все с ними было ясно: Грищенко с Конкиным изможднены до предела и ни о каком немедленном спуске ночью не может быть и речи. — Быстро аптечку! Сердечные, шприц! — попросил я, держа руку на пульсе Борисенко. — Пульс угасал с каждой секундой. Со словами: «Здесь все стерильно», я вонзил шприц в бедро Борисенко прямо через его брезентовые штаны. — Что у нас еще там есть? Кофеин? Сойдет! — Разломав стеклянную ампулу, влил ее в рот Борисенко. Через пять минут тот стал подавать признаки жизни. — Юра, его нужно немедленно вниз! — стал я тормошить засыпающего в палатке Конкина. — По гребню тащить мы не сможем, нужно вызывать спасотряд… — обескураженно пробормотал тот. — Сам знаю, а как? Ни ракетниц, ни радиостанции! Нас кинутся искать только через неделю, нужно идти вниз за помощью, другого выхода нет! — я испытующе посмотрел на Конкина. — Я не дойду… — сказал тот. — Сил нет… Я его не осуждал, прекрасно понимая, что из всей группы уверенно держусь на ногах только я, и если не смогу спуститься ночью с шеститысячника за спасотрядом, Борисенко здесь долго не протянет… — Проводи меня хотя бы по гребню, там я свяжу обе наши веревки и постараюсь спуститься на плато, — попросил я, и Конкин пошел со мной в связке. Через час блужданий по гребню я нашел более или менее пригодное место для спуска. — Продержитесь до утра, помощь, чего бы это мне ни стоило, приведу, — закрепив за выступ веревку, заверил я Конкина. Что ждет меня на конце второй веревки, я знать не мог. Темень была такая, что, спустившись на десять метров, я потерял Конкина из виду… До ледникового плато, как я и опасался, двух веревок не хватило. Сколько оставалось до засыпанного снегом ледника, точно определить не мог — может, пять метров, а может, и десять. Нужно было прыгать, рискуя сломать себе ноги. Собравшись с духом, я выпустил из спускового устройства свободный конец веревки и прыгнул в чернеющую бездну… Пролетев метров пятнадцать, заскользил по крутому снежному склону (что меня и спасло) и выехал на плато целым и невредимым. Дальше шел, как во сне, интуитивно угадывая коварно притаившиеся трещины. (Через полгода главный тренер федерации альпинизма СССР Владимир Шатаев в

разговоре с Артеменко меня упрекнет: «Этот Кобизский что, не знал, что по закрытому леднику в одиночку нельзя ходить?» и подпишет мне приговор: «За нарушение правил альпинизма дисквалифицировать второразрядника А. В. Кобизского до новичка»… Ущельская комиссия под председательством уполномоченного федерации альпинизма Волченкова первоначальный вердикт вынесет помягче: «За проявленную активность при проведении спасательных работ Александра Кобизского дисквалифицировать до значка «Альпинист СССР с правом хождения в этом сезоне…» Вроде как благодарность получил… Волченков мог бы в федерацию и не докладывать, никакого, в конце концов, «криминала» не было, наоборот, благодаря моему ночному спуску спасотряд подошел вовремя и Юре Борисенко спасли жизнь. Но как же, нужно перед федерацией отчитаться — выявил нарушения! «Это восхождение — ценой жизни!» — возмущенно восклицал Волченков, в то время как благополучно снятый с вершины Борисенко отлеживался в своей палатке. Но разбор «полетов» (на который ни кого из участников злополучного восхождения на пик Энгельса не пригласили, будет потом), а пока, превозмогая накопившуюся за четверо суток восхождения усталость, я упрямо продвигался по закрытому леднику. Оказавшись на относительно пологом и, главное, безветренном участке, я наконец-то согрелся, и его начало клонить в сон, но, вспомнив прочитанный еще в детстве рассказ о том, как попавший в буран полярник уснул в снегу и замерз насмерть, не дойдя всего ста метров до спасительного домика, собрал всю свою волю в кулак и шел дальше. Небо было ясное, но безлунное, и ледник освещался лишь отсветом далеких звезд, благодаря которым коварно прикрытые снегом трещины выделялись подозрительной синевой на фоне погруженного во мрак ледника. В одну из таких трещин я чуть не провалился, и спасла меня только отличная реакция — как только под ногами пласт снега ухнул в бездонную пропасть, я тут же упал вперед на живот и успел вонзить клюв ледоруба в ледовый склон. Замешкайся хоть на долю секунды, зияющая чернота трещины навеки поглотила бы меня… Наконец далеко внизу показались палатки наблюдателей грузинской сборной по альпинизму. Я остановился. Спускаться в почти кромешной тьме по сорокаметровой ледовой стене не рискнул. Что же кричать спящим в палатках грузинам, размышлял недолго. — Люди!.. — во весь голос воззвал я. В ответ — тишина… Надсадно болело горло, но набрав полные легкие воздуха, я повторно заорал так, что грузины (как они потом признались) не на шутку струхнули: спросонья им почудилось, что это кричит «снежный человек». Посветив фонариком, они были немало удивлены, увидев на леднике мою одинокую фигуру. При свете фонарика я быстро спустился на передних зубьях кошек и, объяснив наблюдателям, что привело меня ночью на ледник, попросил вызвать по радиостанции спасотряд. Не дожидаясь рассвета, я вместе с грузинскими альпинистами поспешил на помощь Юре Борисенко. Когда мы подошли к склону пика Энгельса, Конкин с Грищенко уже подвели Борисенко к

месту, где я ночью дюльфернул. Теперь с их помощью Борисенко удалось спустить на плато. Конкин же с Грищенко остались на гребне собирать палатку, а я с грузинскими спасателями понес на импровизированных носиках Борисенко вниз. Когда мы доставили заболевшего в палаточный лагерь грузинской команды, подоспел и Алексей Москальцов со спасотрядом и врачом. Альпинистская «скорая помощь» пришла вовремя. Еще час — и Борисенко мог бы умереть от острой сердечно-легочной недостаточности — такой диагноз поставил врач команды Геннадий Селивра. Без медицинской помощи на высоте шесть тысяч метров такой диагноз — верная смерть… Когда Борисенко немного ожил после капельницы, спасотряд его потащил в базовый лагерь, а меня Москальцов оставил под перевалом дожидаться Севу Грищенко и Юру Конкина, которые на тот момент еще не спустились с гребня пика… …Я отдал спасателям свою пуховку — на случай, если им придется заночевать с Борисенко на леднике, и стал ждать Грищенко с Конкиным, которые на тот момент еще не спустились с гребня пика Энгельса. Я отдал спасателям свою пуховку — на случай, если им придется заночевать с Борисенко на леднике, и стал ждать Грищенко с Борисенко, которые появились только к вечеру (что они целый день делали на гребне пика Энгельса остается только догадываться). Спустившись наконец с пика Энгельса, они выглядели смертельно уставшими (так устали, что с рюкзаками не смогли спуститься по ледовой стеночке и сбросили их вниз) и о том, чтобы догонять на ночь глядя спасотряд и слышать не хотели. Ближе к ночи появился Волченков, заставший нас за распитием чая. По пути он встретил спасотряд Алексея Москальцова, а тут мы прохлаждаемся. Справедливое возмущение Волченкова такой ситуацией было бы понятно, но тогда он нам ничего не сказал и заночевал с нами в нашей палатке. Когда же на следующий день мы спустились в базовый лагерь, Волченков отправил в федерацию альпинизма СССР радиосообщение о чрезвычайном происшествии на пике Энгельса и потребовал созвать ущельскую комиссию для расследования восхождения харьковских альпинистов. Поначалу никто всерьез инициативу Волченкова не воспринял, и это возмутило его еще больше. Он повторно связался с Москвой и сообщил, что в экспедиции творится полное безобразие. Получив подтверждение своих полномочий, Волченков устроил показательный суд над провинившимися альпинистами. В ответ Гриша Артеменко сгоряча обозвал спешно организованную комиссию из представителей других команд (в ущелье стояло еще с десяток экспедиций) — «козлиной», и бюрократическая машина закрутилась с этого момента в полную силу. «Судилище» в ущелье состоялось заочно без нас и о вердикте «особой тройки» мы узнали от Артеменко. Приговор оглушил меня, но обжаловать его можно было теперь только в Москве. Сезон же 1983 года для меня закончился полным поражением… Позднее Григорий Артеменко, пообещав мне помощь, но беспокоился, как оказалось, больше о своей репутации в глазах Шатаева. О казавшись в Москве

(сам я поехать в федерацию не смог — «желтуха» таки доконала меня, и я на полтора месяца слег в больницу), Артеменко при разборе «дела» утаил, что у нашей группы не было никаких средств связи (отсутствующие радиостанции задним числом были внесены в маршрутный лист группы еще в ущелье). Действительно, с чего бы это Кобизскому вздумалось спускаться ночью с шеститысячной высоты, если у него была радиостанция? Одним словом, налицо грубейшие нарушения правил советского альпинизма, категорически запрещающие передвигаться по закрытому леднику в одиночку, да еще ночью! О том, что эти нарушения в конечном итоге спасли человеку жизнь, никто в федерации альпинизма СССР и не вспомнил… Самого Юру Борисенко Шатаев тоже дисквалифицировал с КМС СССР по альпинизму до «новичка» с формулировкой «за утрату руководства» и это притом, что на пике Энгельса Борисенко был в полубессознательном состоянии, из-за чего его пришлось транспортировать. Пока с ЧП на пике Энгельса разбиралась «ущельская комиссия», у Юры Борисенко развилось двухстороннее воспалением легких и меня одного отправили сопровождать его в Душанбе (раз меня о дисквалифицировали — что мне теперь, как «значкисту», делать в горном районе, где ниже 4Б нет ни одной вершины?) Помимо доставки Борисенко в больницу в Душанбе, Артеменко поручил мне выкупить забронированные билеты в Москву и заказать для всей экспедиции спецрейс (самолет или вертолет) из Хорога в Душанбе, и дал мне на все эти расходы 4200 рублей (в 1983-ом это были огромные деньги). Вниз до п.Зонг меня с Борисенко сопроводил врач команды Селивра, после чего тут же ушел обратно в базовый лагерь, оставив мне для Юры какие-то таблетки. Как мог альпинистский врач бросить больного в Зонге, ведь он же видел, в каком тяжелом состоянии был Юра Борисенко? Юра всю ночь провел сидя, так как лежа задыхался, и нам пришлось заночевать с ним в пос. Зонг. Местные таджики нам выделили комнату (взять с нас деньги за постой хозяева тамошней гостиницы, типа барак, категорически отказались) и вечером пришли к нам в гости со своим чайником. Мы выставили к чаю сгущенку, шоколад, и пили из пиал зеленый чай. Как только чай заканчивался, мальчишка таджичонок убегал и тут же возвращался с полным чайником. Так повторялось несколько раз, и аксакал нам пояснил, что мальчонка будет приносить нам чай до тех пор, пока мы не положим пустые пиалы на стол дном вверх, что будет означать, что мы больше чая не хотим. А пока мы этого не сделали, по законам гостеприимства он не может допустить, чтобы мы остались без чая. Утром в Зонге я с еле передвигающим ноги Борисенко на переполненный рейсовый автобус сесть не смог, а Юра между тем был загибался на глазах. Наш экспедиционный врач даже антибиотиками его на дорожку не проколол. Чтобы добраться до Ишкашима я стал ловить попутки. Остановил какой-то грузовик, водитель таджик сказал, что у него нет бензина. Тогда я сбегал к погранцам в Ленгар и раздобыл ведро бензина (денег за бензин пограничники с меня не

взяли). В кабине «ЗИЛа» мы приехали с Борисенко в аэропорт Ишкашима, а там на рейсы до Душанбе билеты проданы на два месяца вперед. Я оставил Юрку в аэропорту и побежал искать начальника аэропорта. Нашел его в каком-то магазинчике, и он согласился мне помочь. Когда я с этим начальником вернулся в аэропорт, возле Юрки была милиция (люди решили, что он умер, столь он был плох). Борисенко как-то выдержал полет на ухающем в воздушные ямы АН-2, а в аэропорту Душанбе я вызвал ему «скорую». Доставив Борисенко в больницу Душанбе, мне пришлось срочно вернуться в Зонг за списком паспортных данных участников экспедиции, потому что в аэропорту без этого списка мне отказались продать заранее забронированные билеты на Москву. Причем времени, чтобы выкупить билеты у меня было ровно сутки. Благо, что у меня в знакомых были уже и начальник аэропорта Ишкашима, и Душанбе, и меня без всяких билетов (за 20 рэ пилоту) сажали на рейс, как своего, чтобы я смотался в базовый лагерь за этим клятым списком. Прилетел обратно в Ишкашим в полдень, поселок словно вымер и добраться до Зонга было не на чем. Поговорил с прохожим таджиком, объяснил ему в чем проблема. Таджик сказал мне, что вообще-то он в Зонг не собирался, но если надо альпинистам помочь, то он подвезет меня на своей «жульке» (это более 100 км по горной дороге). Перед дорогой он пригласил меня попить чаю и подкрепиться, и мы поехали. Дорога была ужасная, выбивавшийся из-под колес гравий бил по днищу его машины, но когда мы приехали в Зонг, таджик водитель отказался взять деньги и еще поинтересовался, когда за мной приехать, чтобы отвезти меня в Ишкашим. Чтобы заплатить хотя бы за бензин, мне пришлось водителя буквально упрашивать взять деньги и после долгих уговоров он согласился взять с меня только 5 рублей. Когда я под вечер заявился в базовый лагерь, Артеменко очень удивился, увидев меня. Я тоже поражался, как можно было послать меня с больным Борисенко на руках выкупить забронированные в Душанбе за сутки до окончания брони. Узнав, в чем проблема, Артеменко сработал весьма оперативно — дал команду всем найти свои паспорта, что было непросто, так как многие разбежались на восхождения, раздобыл у соседей по ущелью (команда СКВО) печатную машинку и на пустом фирменном бланке с печатью харьковского горсовета отпечатали нужный список. Вернувшись на АН-2 в Душанбе, я успел выкупить билеты за полчаса до закрытия кассы. Опоздай наша горемычная экспедиция в Душанбе на рейс в Москву, пришлось бы всем добираться в Харьков на перекладных. Не говоря уже о том, что впустую пропали бы экспедиционные деньги, так еще и вылететь в конце августа из Душанбе было нереально. Со спецрейсом же, который я арендовал для нашей экспедиции, случился еще тот цирк. Я заказал за 1600 рэ в Душанбе самолет Як-40, чтобы доставить 26 альпинистов из Хорога в Душанбе. Чтобы не гонять борт порожняком в Хорог, его с моего согласия загрузили почтой. Отправив спецрейс в Хорог, я сообщил номер борта срочной телеграммой в Хорог на имя Артеменко,

а сам тем временем отправился забрать Борисенко из больницы. Каково же было мое изумление, когда оплаченным мной спецрейсом альпинисты не прилетели, а вместо них прибыли местные жители. До вылета в Москву оставалось всего 6 часов, и куда пропала экспедиция пришлось выяснять с помощью начальника аэропорта Душанбе. История вышла почти криминальная — ушлый начальник аэропорта Хорога умудрился продать левые билеты на заказной спецрейс. Наши же альпинисты встретили присланный за ними Як-40, помогли разгрузить почту, и пока самолет дозаправляли, решили попить чайку в местной чайхане (чайханщица ведь была красавицей из сказок «Тысячи и одной ночи), а начальник аэропорта тем временем посадил своих левых пассажиров и фактически угнал самолет. Когда при мне с ним разбирался начальник аэропорта Душанбе мат стоял трехэтажный, но за три часа до вылета в Москву нашу горемычную экспедицию таки доставили внеочередным рейсом из Хорога. В общем, приключений на мою голову тот сезон выпало выше крыши, и за все про все получить в финале полную дисквалификацию, было малоприятно… Вчерашние же друзья словно не замечали дисквалифицированных альпинистов, до них ли? У всех грандиозные планы, а кому теперь нужен «новичок», тем более выбывший минимум на год из-за болезни? Крах своей спортивной карьеры я переживал очень тяжело, спорт, которому хотел посвятить всю свою жизнь, неожиданно отверг меня. В альпинизме, чтобы заново выполнить первый разряд (а до заветного первого разряда мне до дисквалификации не хватало одного руководства 4-А), уйдет в лучшем случае четыре-пять лет, и то, если повезет. Можно выехать в горы и за месяц не сделать ни одного восхождения: то погода «нелетная», то еще какие-нибудь неурядицы, а на первый разряд нужно сделать почти два десятка восхождений — это не стометровку по стадиону пробежать… Из секции политехнического института я вскоре ушел и ездил в горы теперь не за чемпионскими титулами (какие уж тут чемпионаты, если предстояло начинать все с нуля), а просто пообщаться с друзьями, с настоящими друзьями, которым от тебя ничего, кроме тебя самого, не нужно, с которыми приятно потом вспомнить, как мерз в одной палатке, деля последний глоток мутно-теплой воды под названием чай. Понять, чего стоит человек в экстремальных условиях, можно очень быстро, и не нужно для этого лопать пресловутый пуд соли. «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так…» — пел Володя Высоцкий, который не был альпинистом, но, однажды попав в горы, оставил их в своем сердце навсегда. Сами по себе горы красиво, конечно, но мало ли в мире прекрасных мест и занятий? Лесное озеро с хорошей рыбалкой, например. Но никакая ловля рыбы, пусть даже и самая удачная, с последующим распитием водки (без чего ни одна нормальная рыбалка не обходится), не заменит того чувства, когда ты связан с другом одной веревкой. В горах нет места жадности и зависти, деньги там теряют над людьми свою магическую силу, где не поют птицы и из всех живых существ на горной вершине вы одни, и бесполезно

уповать на какого-то там эфемерного бога, дальнейшая судьба только в твоих руках… Через год я вернулся в спорт. Успешно выступал на соревнованиях по скалолазанию за сборную Харьковской области. Осенью 1985 года вместе с мастерами спорта по скалолазанию Сергеем Бершовым и Владом Пилипенко выступал на Мемориале Хергини, проходившем тогда в Гаграх. За два года повторно выполнил второй разряд по альпинизму, но уже не было у меня того захватывающего от гор чувства, что заставляло оставлять дома семью и лезть на вершину. Я больше не был фанатиком альпинизма… Вместо P.S. Комментарий Андрея Абросимова — одного из участников той горемычной экспедиции: «Со связью тогда был действительно цирк. К началу мероприятия я вышел с Томой Еной на М.Правду на 4Б, так нам дали фонарик (подавать сигналы в темноте) и зеркальце (пускать солнечный зайчик в базлагерь днём, была прямая видимость). Меня тогда после подхода скрутила горняшка и мы спустились, потом долго просидел в базоиде с кашлем, а под конец сборов таки с Полянским сходили мы эту четвёрку — и с теми же средствами связи. © Александр Кобизский. КМС СССР по спортивному скалолазанию.